

Линь Цзюньин нахмурился и посмотрел на Чу Юя. Тот не стал возражать — значит, молча подтвердил слова Цзян Цинъюаня. Линь Цзюньин снова повернулся к нему:

— Так это ты отвёз Юй-гэ в больницу?

Он не переспрашивал очевидное. Просто был одновременно удивлён и озадачен: спаситель Юй-гэ оказался настолько невоспитанным типом.

— Верно. Я.

Цзян Цинъюань посмотрел на всё ещё слегка бескровное лицо главного героя и напомнил себе: на самом деле тот уже почти в порядке. Скандаль! Всё нормально! Ране это не повредит!

Узнав, что Цзян Цинъюань спас Чу Юя, Линь Цзюньин подавил прежнее раздражение. Злиться вроде нельзя, но нагловатый вид Цзян Цинъюаня всё равно бесил.

Теперь все трое смотрели на него. Ван Чжуй отложил очищенное яблоко, мягко улыбнулся и поднялся.

— Однокурсник, спасибо тебе. Если бы не ты, мой друг мог бы не попасть в больницу вовремя. Садись, пожалуйста.

Ван Чжуй уступил место. Цзян Цинъюань тут же сел и воспользовался случаем придраться:

— Почему ты зовёшь меня однокурсником? Откуда знаешь, что я вообще твой однокурсник?

Ван Чжуй замер. Не ожидал такого вопроса. Он увидел, что Цзян Цинъюань примерно одного с ними возраста, и просто по привычке назвал его однокурсником. Разве люди в таком возрасте не учатся в университете?

— Не знаю, в каком университете учиться брат. Но раз мы все учимся в одном городе, думаю, в широком смысле друг друга вполне можно назвать однокурсниками.

— А с чего ты решил, что я ещё учусь? Слишком много на себя берёшь, делая выводы за других.

Цзян Цинъюань закатил глаза.

Он много раз тренировался перед зеркалом именно ради этого движения. Когда закатываешь глаза, собственного выражения не видишь, поэтому он снимал себя на телефон, снова и снова пересматривал, анализировал и отработывал заново.

Главное — чтобы группа главных героев прочувствовала его профессионализм. Ради сюжета он не жалел имиджа и обязан был оставить яркое, глубоко отвратительное впечатление.

Только сейчас, кажется, немного перестарался. Слишком сильно закатил — глаза заболели... тсс...

Цзян Цинъюань быстро опустил голову и несколько раз моргнул, снимая боль.

Он не знал, что это скрытое движение лежавший полусидя Чу Юй увидел полностью.

Потом Цзян Цинъюань закинул ногу на ногу, скрестил руки на груди, откинулся назад и начал трясти ступнёй.

Чу Юй на кровати почувствовал, как матрас ритмично дрожит.

Чу Юй:

—

Он на секунду застыл, брови слегка сошлись.

Цзян Цинъюань сидел слишком близко — настолько, что Чу Юй чувствовал исходящий от него слабый аромат. Запах казался смутно знакомым. Вроде именно его он ощущал в тот день за мгновение до потери сознания.

Наверное, шампунь. Или гель для душа. А может, стиральный порошок.

Чу Юй не привык, когда кто-то сидит так близко. Он и так сидел прямо, а теперь чуть откинулся назад и упёрся спиной в изголовье.

Стул был немного ниже кровати, Цзян Цинъюань ещё и сидел косо, поэтому Чу Юй видел вихор на макушке юноши. Чисто и аккуратно.

Перхоти нет.

Проплешин нет.

Очень хорошо.

Цзян Цинъюань, человек без перхоти и проплешин, самодовольно тряс ногой, всерьёз мешая

Чу Юю. Кровать раз за разом вибрировала, а виновник, похоже, не собирался останавливаться. Слегка нахмуренные брови Чу Юя так и не разгладились. Он холодно сказал:

— Не трясى ногой.

Но, вспомнив мягкость этого человека в тот день, Чу Юй сам не заметил, как в голосе проскользнули лёгкая беспомощность и успокаивающая интонация.

— Ай, я просто умом потрясу~

Цзян Цинъюань тут же воспользовался случаем и опустил ногу. Идеальный плавный выход из ситуации, спуск по склону вместе с ослом — ставлю себе десять из десяти.

Как ни крути, это главный герой, и слишком сильно злить его Цзян Цинъюань не осмеливался. Кто знает, широкая у Чу Юя душа или злопамятная? Вдруг тряска ногой — его болезненная тема, а он продолжит плясать прямо на минном поле? Тогда получится, будто собственной смерти мало.

Цзян Цинъюаню казалось ужасно сложным подобрать правильную степень актёрской мерзости: надо, чтобы тебя ненавидели, но не настолько, чтобы ненавидели слишком сильно. Однако трудящийся никогда не сдаётся.

Он тут же сменил тему и продолжил язвительно цепляться к Ван Чжуй:

— Что молчишь? Слова закончились?

Клянусь небом и землёй, из этих троих именно Ван Чжуй был самым мягким и реже всего злился. Поэтому Цзян Цинъюань и осмеливался больше всего орать на него. По крайней мере, тот не станет распускать руки. Даже разозлившись, не сделает ничего чрезмерного.

Прости, добрый человек.

Ван Чжуй и правда не разозлился. А вот Линь Цзюньин уже не выдержал:

— Что, не учишься? Ну не учишься — значит, не буду звать однокурсником.

— Ай, опять придумал за меня? Извини, я всё ещё учусь.

Линь Цзюньин уже действительно рассмеялся от злости. Если бы этот тип не считался спасителем Юй-гэ, он давно бы его избил! И что, должен теперь стоять и слушать весь этот треп?

К этому моменту он так разозлился, что вообще не хотел разговаривать. Просто скрестил руки на груди и холодно смотрел, что ещё этот человек выкинет.

Улыбка Ван Чжуня тоже исчезла, но он всё равно оставался спокойнее Линь Цзюньина и довольно мягко спросил:

— Тогда... зачем однокурсник пришёл?

Раз Цзян Цинъюань сам сказал, что учится, Ван Чжунь теперь прямо называл его однокурсником. Почему-то он уже примерно понял, что тому на самом деле вообще не важна форма обращения.

Цзян Цинъюань поднял голову и улыбнулся.

— Да ничего особенного. Просто я спас этого брата. Вы ведь должны как-то отблагодарить?

— Цок.

Линь Цзюньин холодно усмехнулся:

— Так ты за деньгами. Надо было сразу сказать. Сколько? Давай, молодой господин тебе заплатит!

— Два миллиона, — не меняясь в лице, беззастенчиво запросил Цзян Цинъюань.

И добавил:

— Гони деньги, парень.

— Ладно!

Линь Цзюньин действительно разозлился. Он уже достал телефон и собирался переводить деньги.

— Я сам, — сказал почти всё время молчавший Чу Юй и тоже взял телефон.

Естественно, он не мог позволить другу платить за него. Это изначально его ответственность.

Цзян Цинъюань:

— ???

Нет, подождите.

Сюжет не такой!!

Цзян Цинъюань опешил. Он просто от балды назвал два миллиона, собираясь как следует поторговаться с группой главных героев, а потом снизить цену до тридцати тысяч. Почему всё вдруг пошло так?

Где торг?

Где обмен репликами?

По сюжету всё не так!

Глядя на серьёзное выражение Чу Юя и молчаливых Линь Цзюньина и Ван Чжуя, которые, похоже, совсем не возражали, Цзян Цинъюань погрузился в размышления.

Я что, переиграл? Или это эффект бабочки?

Надо что-то сделать, иначе сюжет нарушится!

В оригинале точно было сказано: сначала он просит два миллиона, а потом меняет сумму на тридцать тысяч. Деталей он не знал, но явно всё происходило не вот так...

К тому же спасал он человека по собственному желанию. Помогать людям — нормально. Требовать вознаграждение и так мучительно для совести. Тридцать тысяч ещё можно объяснить сюжетом и тем, что это заслуженная награда за спасение.

Два миллиона?

Рука не поднимается!!

В душе Цзян Цинъюань визжал как сурок, а внешне оставался совершенно спокойным.

Он подумал: «Может, сказать, что я не стою таких денег?»

Едва мысль возникла, он тут же её отверг: «Нет-нет-нет. Это я не стою, а жить до глубокой старости всё-таки хочется».

Если он осмелится сказать, что наследный принц корпорации Чу стоит всего тридцать тысяч, даже бросившая роман автор вылезет из могилы, чтобы его избить!

— Я тоже не человек без принципов. Давайте так: тридцать тысяч. Ни юанем больше, ни юанем меньше. Разойдёмся быстро и без лишних разговоров.

Цзян Цинъюань посмотрел на Чу Юя прямо в глаза.

Соглашайся на тридцать тысяч — и я сразу уйду!

Давай-давай, скорее соглашайся!

<http://bllate.org/book/20861/2143101>